Этносоциология: поиски и свершения / отв. ред., сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 444 – 456.

В.Н.Бирин

Первый этносоциолог Карелии и его коллеги

Писать о Евгении Ивановиче Клементьеве, с одной стороны, непросто, с другой – легко, поскольку он успел написать о себе сам, издав монографию «Этносоциология в Карелии» [11] и подарив ее мне с автографом: «Виктору Николаевичу, одному из подвижников социологии от автора на память 02.10.2015», на которую я буду опираться[12;14], расширяя или уточняя изложенные в ней факты и события.

Евгений Иванович Клементьев, кандидат исторических наук, заслуженный деятельнауки Республики Карелия родился в 1938 г. в карельской деревне Ондозеро Ругозерского района Карельской АССР в многодетной семье карельских крестьян. После окончания школы и службы в рядах Советской Армии поступил в Петрозаводский государственный университет им. О.В. Куусинена (далее – ПетрГУ) на историко-филологический факультет, который закончил в 1967 г. Был распределен в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (далее – ИЯЛИ КФ АН СССР), в котором проработал до конца жизни более полувека в должностях лаборанта, младшего и старшего научного сотрудника, ученого секретаря института (1975–1979), заведующего сектором этнографии и этносоциологии (1983–1990), ведущего научного сотрудника.

В 1967 г. от ИЯЛИ был направлен в аспирантуру Института этнографии АН СССР, которую закончил в 1970 г. Специализировался по специальности «этносоциология» в секторе конкретно-социологических исследований, который возглавлял д.и.н. Ю.В. Арутюнян. Защитил диссертацию по теме

«Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР)» (1972).

Е.И. Клементьев является автором более 250 научных работ, в том числе 13 книг по истории Карелии, этнической истории карелов, вепсов, финнов, конфликтологии, этнологии, этносоциологии, этнополитологии. Руководил более чем 90 исследованиями по изучению этнокультурных и языковых процессов у карелов, вепсов, финнов, образу жизни сельских карелов, русских и белорусов, оценке развития национальной школы республики, деятельности органов государственной власти и управления Карелии различных уровней, политической ситуации накануне и после выборов Президента России, депутатов Государственной Думы РФ и Законодательного Собрания Карелии, Главы Республики Карелия, глав администраций муниципальных районов местного самоуправления. Участвовал во многих российских и международных исследовательских проектах, более 10 лет являлся экспертом Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов по Карелии [11: 9–10].

В годы аспирантуры Евгений Иванович активно общался с сотрудниками, собранными тогда в составе Сектора конретных-социологических исследований культуры и быта народов СССР, позднее переименованный в сектор этносоциологии: Л. Дробижевой, М. Губогло, В. Мальковой, С. Савоскулом, Л. Остапенко, И. Субботиной, В. Большаковым, В. Кондратьевым, Л. Тульцевой, В. Шамшуровым, И. Гришаевым, А. Сусоколовым, А. Санниковой, о которых он с теплотой и душевностью вспоминает на страницах свой последней монографии «Этносоциология в Карелии» [11: 14–22].

Еще будучи аспирантом, в июне 1969 г., Евгений Иванович в числе трех студентов-историков Петрозаводского государственного университета взял на опрос Александра Кожанова. Позднее он так вспоминал об этом: «В один из первых дней практики подходит ко мне Саша Кожанов и спрашивает: “Евгений Иванович, а где и как можно получить такую

специальность, как у Вас?”. Говорю, что надо лишь с отличием окончить университет и получить направление в аспирантуру. Буду надеяться, что Институту языка, литературы и истории потребуются специалисты по этносоциологии. Так и получилось: после окончания университета с “красным” дипломом Саша поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию по проблемам методики изучения национального самосознания. Научным руководителем у него, как и у меня, а несколько лет спустя и у Виктора Бирина, был Юрий Вартанович Арутюнян. С тех пор прошло более 45 лет нашего творческого сотрудничества. Как равноправные руководители мы провели не один десяток социологических исследований по самым различным проблемам современной жизни» [11: 28].

Мое знакомство с Евгением Ивановичем было другим. Осенью 1977 г. меня, студента 3 курса историко-филологического факультета ПетрГУ, один из преподавателей направил к нему на встречу в ИЯЛИ. Как я узнал позднее, Евгений Иванович просил своих коллег из университета найти для него студента, способного к научной деятельности. По-видимому, я произвел впечатление такового.

Первая встреча была короткой. Он посмотрел на меня с интересом, расспросил о жизни, увлечениях, желании заняться наукой и перспективах поступления в аспирантуру. Поскольку я такое желание изъявил, он дал мне перечень литературы по истории и этнографии края, пожелал не сбавлять темпов в учебе и выходить на «красный» диплом. На 5-м курсе я писал у него дипломную работу, получил «красный» диплом и был взят на работу в ИЯЛИ в качестве старшего лаборанта. Через два года поступил в аспирантуру Института этнографии, которую проходил в том же секторе и общался с теми же людьми, что и Евгений Иванович Клементьев.

После окончания аспирантуры в 1985 г. я вернулся в ИЯЛИ КФ АН СССР на должность младшего научного сотрудника. Евгений Иванович как зав. сектором определил мне научно-исследовательскую тему «Брак и семья

сельского населения Карельской АССР». Одновременно он инициировал избрание меня секретарем партбюро ИЯЛИ (мы оба были члены КПСС), причем, не посвятив меня абсолютно в свои планы. Для меня было полной неожиданностью выдвижение на этот пост и единогласное избрание. Я, конечно, посетовал, что так не делают, даже не поговорив со мной. На что он возразил, дескать, зная твою склонность к рефлексии, лучше тебя поставить перед фактом. Не переживай, справишься, тем более я буду рядом. Он возглавлял профком института. В те времена именно триада: директор – секретарь партбюро – председатель профкома решали в основном все дела института. Таким образом, с подачи Евгения Ивановича, я пять лет возглавлял партбюро и затем еще два года (по август 1991 г.) был заместителем секретаря парткома Карельского научного центра (КарНЦ) РАН, часто выполняя обязанности секретаря.

Евгения Ивановича отличало чуткое отношение к людям. Я не помню, чтобы он кого-нибудь резко осуждал, как правило, только журил. В качестве примера можно привести переаттестацию сотрудников ИЯЛИ в 1986 г. По должности мы с Евгением Ивановичем были членами аттестационной комиссии. Процедура достаточно формальная, все понятно, кроме ситуации с одним археологом, чей конфликт с коллегами обострился, и исход голосования был не ясен. В тот момент я не очень еще знал этого человека и не понимал, как голосовать. Евгений Иванович пояснил, что у каждого человека в жизни бывают неурядицы, что в отношении с коллегами он не во всем прав, допустил бестактность, и в этом плане критика его справедлива. С другой стороны, археология для него – смысл жизни, он ею увлечен, открыл новую стоянку первобытного человека, и если мы его уволим, то сломаем ему жизнь. Со временем все перемелется и забудется, а человека не вернешь. Голосование завершилось *фифти-фифти*, что трактовалось в пользу аттестуемого. Здесь были и наши с Евгением Ивановичем голоса. Жизнь показала его правоту: археолог принес извинения коллегам и продолжил работу в ИЯЛИ, став довольно известным в своей сфере человеком.

Вспоминается еще один острый момент нашей жизни на сломе времен – январь 1991 г. События вокруг телецентра в Вильнюсе, где в противостоянии с группой спецназа СССР, направленной для его захвата, погибли люди с той и другой стороны. Это вызвало возмущение многих людей, в том числе и среди сотрудников КарНЦ РАН. Рассказываю об этом впервые. Объединенный комитет профсоюзов КарНЦ РАН решил организовать в знак протеста против событий вокруг Вильнюсской телебашни митинг-забастовку по принципу итальянской, т.е. прийти и не работать, а собраться в актовом зале. Решение доведено до руководства КарНЦ РАН, которое потребовало собрать партком. Вести его мне.

Все участники заседания впервые сталкиваются с подобной ситуацией. Готового решения нет. Советуюсь с Евгением Ивановичем. Он рассуждает, что подавляющая часть сотрудников возмущена действием спецназа, они – за осуждение этих действий. Если партком пойдет против, то полностью потеряет свой авторитет у сотрудников, если поддержит – потеряет доверие горкома КПСС. «Сам-то ты “за” или “против”? Если “за”, то смотри по обстановке, готов ли ты противостоять горкому?»

Заседание парткома прошло внешне спокойно, хотя чувствовалось серьезное внутреннее напряжение. Представитель горкома выступил против проведения митинга-забастовки, я возразил, сказав, что мы не можем противопоставлять себя основной массе сотрудников КарНЦ и предложил, чтобы каждый член парткома решил для себя сам, с кем он. Решили митингу не препятствовать, членам парткома определиться самим с участием или неучастием в этом мероприятии.

На следующий день актовый зал был полон. Мы с Евгением Ивановичем также присутствовали. Из всех членов КПСС, присутствовавших на митинге-забастовке, выступил только я. По мотивам своего выступления вечером написал стихи, где были такие строки:

Где же наша петиция?

Голос нынче в цене –
Ведь прошла репетиция
Переворота в стране.

Нам сыграли прелюдию
Тонким посвистом пуль
Те потомки иудины,
В ком не вышибли культ.

Культ «родного любимого
Дорогого отца».
До сих пор отрыгается
Торжество подлеца.

Евгений Иванович был со мной солидарен.

Одним из кардинально изменивших мою жизнь решений стало поступление на государственную службу в только что созданный Комитет по межнациональным отношениям при Совете министров Республики Карелия, прообраз нынешнего Миннаца РК. (в тексте также упоминается Госкомнац – в зависимости от времени он имел разное название). Получив приглашение от республиканских властей, я пришел посоветоваться к Евгению Ивановичу, который в тот момент лежал в больнице. Позднее, в 2013 г., когда я уходил из Миннаца в отставку, на проводах он вспомнил этот момент.

«В 1992 г. Виктора Николаевича пригласили работать в Миннац. Он говорит: “Евгений Иванович, ну не хочу я туда, мне здесь [в ИЯЛИ – В.Б.] нравится”. Время было переломное, трудное в социально-экономической и политической ситуации, нам стали задерживать зарплату. Я говорю: “Виктор Николаевич, у тебя двое детей, ты сегодня должен думать о семье, о детях: их надо растить, учить, одевать и кормить”. И он ушел на госслужбу. Это не значит, что он потерялся для науки. Я с ним постоянно поддерживал контакт,

мы тесно работали по ряду проектов, я постоянно заходил в Миннац за информацией, и Виктор Николаевич никогда не отказывал мне в той информации, которую я хотел получить, сам делился интересной информацией. Сборники документов по национальным проблемам Карелии, которые мы подготовили вместе с Кожановым, выполнялись с активным участием Виктора Николаевича, без помощи которого мы не смогли бы обойтись. Я рад, что у нас с Виктором Николаевичем сложились такие добрые и рабочие отношения» [5].

Если Е.И. Клементьев благословил меня, то А.А. Кожанов отнесся к моему переходу на госслужбу весьма скептически, что, впрочем, никак не сказалось на наших отношениях. Несмотря на то, что Александр Алексеевич в 1988 г. ушел из ИЯЛИ в ПетрГУ на преподавательскую работу, наше творческое содружество сохранялось. В 1992 г. он стал редактором моей первой монографии [2] и блестяще справился с этой ролью. Его тщательность и дотошность проявилась здесь в полной мере. Во-первых, он помог мне квалифицированно, с минимальными потерями сократить четверть текста, придать книге определенный шарм. Во-вторых, его внимание к мелочам, к точности названия должностей, событий, ссылок на факты и т.п., подготовки текста «под ключ» помогло мне в дальнейшем в выполнении функций редактора различных научных и иных сборников, многолетнего ведения раздела «Земля Карельская» в республиканской газете «Карелия», посвященного проблемам народонаселения и реализации национальной политики. Все это Александр Алексеевич ненавязчиво прививал мне в процессе редактирования монографии, за что я всегда ему был благодарен.

448

В ходе работы возник конфликт – расхождение мнений о структуре работы: Кожанов настаивал, что одна из глав, особенно для меня важная и бывшая одной из центральных в книге, должна быть переделана. Я яростно возражал, доказывая, что переделка существенно нарушит концепцию книги.

Александр Алексеевич шаг за шагом подводил меня к мысли, что ее все же надо переделать и это заметно улучшит логику восприятия работы. Переделка состояла в том, что главу нужно было «вывернуть» так, как выворачивают рукав шубы или пальто. Работа достаточно трудоемкая. При этом Кожанов «вычесал абсолютно всех блох», что бывает не так часто. Теперь, когда я беру в руки книгу и не нахожу ни одной ошибки или опечатки, я с благодарностью вспоминаю настойчивость, тщательность и скрупулезность Александра Алексеевича. В принципе, это касается всех текстов, к которым приложил свою руку Кожанов, как своих собственных, так и совместных, коллективных. Качество поразительное и достойно восхищения для людей понимающих.

Оценивая время конца 1980-х – начала 1990-х годов, Евгений Иванович отмечал, что *«когда наступила перестройка, то я понял, что могу писать то, что думаю, а не то, чего от меня ждут»* [14]. В 1992 г. мы с ним подготовили первый неподцензурный сборник «Карелы, Финны. Проблемы этнической истории» [9]. Там были опубликованы материалы, которые ранее не прошли цензуру. В частности, мои статьи по этнодемографии карелов и финнов. Там же впервые была размещена статья С.Г. Веригина, ныне директора Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ «О планах ликвидации Карело-Финской ССР в августе 1944 года». Отпечатанный в Институте этнологии и антропологии РАН сборник был роздан делегатам первого и единственного Национального конгресса карелов, финнов, вепсов, проходившего в Петрозаводске в ноябре 1992 г. Один из делегатов, Иван Сергеев, прочитав данную статью, так вдохновился темой, что провел свое более углубленное исследование, результатом которого стала книга «Заговор генералов» [15].

Одну из главных ролей сыграл тогдашний первый секретарь ЦК КП/б/ Карело-Финской ССР и член Военного совета Карельского фронта, генерал-майор Геннадий Николаевич Куприянов, отстоявший республику и спасший карелов и вепсов от репрессий и депортации. Позднее он был арестован по

«ленинградскому делу», подвергся пыткам, унижениям и мучениям, отсидел в тюрьме, реабилитирован, но властями республики в 1960-е – 1980-е годы воспринимался очень холодно. В момент публикации сборника преимущественно негативная оценка его деятельности в республике сохранялась.

В 2010 г. известный карельский журналист, кстати, украинец, член Общества украинской культуры «Калина», Анатолий Гордиенко написал книгу «Куприянов и его время» [7], где с беспощадной документальностью описания сурового, драматичного периода жизни нашего края – конца 1930-х – 1940-х годов дал объективную характеристику личности и оценку деятельности тогдашнего первого секретаря. Я предложил посвятить наш сборник Геннадию Куприянову, Евгений Иванович возразил. Пригласили А. Кожанова в качестве третейского судьи. Он поддержал Клементьева. Я до сих пор жалею, что не смог их убедить. Позднее они согласились, что можно было и посвятить, но в тот момент оставались еще в плену «общественного мнения». А мы могли быть первыми.

В 1993–1997 гг. в России осуществлялись социологические исследования сложившимся международным российско-американским коллективом: Центром социологических исследований МГУ (директор – С.В. Туманов), Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологи РАН (руководитель – М.Н. Губогло) и группой американских ученых под общим руководством известного американского политолога Джерри Хаффа (Университет Дьюка, Институт Брукинга) и Сьюзен Лейман (Колумбийский университет).

Первым таким мероприятием стало (беспрецедентное, по мнению ФСБ) российско-американское социологическое исследование «Предвыборная ситуация в России», проведенное осенью 1993 г. К исследованию меня привлек М.Н. Губогло, сожалея, что Клементьев из-за болезни не сможет принять в нем участие. Я заверил, что будем проводить втроем, вместе с

Клементьевым и Кожановым. Это был первый опыт моего сотрудничества с Михаилом Николаевичем, затем я неоднократно участвовал во многих социологических исследованиях, проводимых или курировавшихся им.

Участников предстоящего социологического исследования собрали в одном из подмосковных домов отдыха на инструктаж или установочную сессию. С российской стороны кураторами выступили профессор С. Туманов, объединивший в основном представителей вузовской науки российских краев и областей, и д.и.н. М. Губогло, объединивший представителей республик РФ, многие из которых являлись «выпускниками» Института этнологии и антропологии РАН. Михаил Николаевич создал потрясающую атмосферу единой многонациональной семьи народов России. Коллеги с удовольствием общались друг с другом и самое главное – выступили единой сплоченной командой. Это было особенно заметно на фоне представителей вузовской науки, затевавших перманентные склоки и скандалы. Это обстоятельство сильно удивило американцев: дескать, как так, русские конфликтуют между собой, а «националы» выступают дружным, тесным, монолитным коллективом.

Еще больше удивило американцев участие в конференциях по итогам проведенных социологических исследований, в частности, посвященных выборам в Государственную Думу 1995 г. и ситуации между первым и вторым туром президентских выборов 1996 г. Обсуждение среди представителей вузовской науки проходило в традиционном академическом стиле и было достаточно скучным. В то же время доклады «националов» проходили в неформальных жарких дискуссиях и с исключительным уважением к мнению друг друга, с доверием к высказанным выводам и представленной информации. Думаю, данная ситуация весьма забавляла Михаила Николаевича и даже, возможно, восхищала. (Сужу по своему впечатлению и более поздним беседам с М.Н.). Полагаю, что многие стерео-

типы американских коллег в отношении России и ее народа были разрушены М.Н. Губогло в процессе как беседы с ними, так и организации совместных конференций и семинаров.

В 1998 г. в рамках конференции, подводящей итоги еще одного совместного исследования «Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование», руководитель группы американских ученых Джерри Хафф организовал смешанные секции, объединив представителей вузовской науки и этнологов (этносоциологов). Нам это, мягко говоря, не очень понравилось. Во-первых, нас интересовали темы друг друга, особенно то, как развиваются события в республиках, во-вторых, не привлекал академичный в худшем значении этого слова стиль обсуждения. Мы являлись в ту или иную секцию на доклад коллеги и устраивали «допрос с пристрастием», что раздражало остальных. В итоге, после окончания работы секций мы собрались вместе и устроили неформальный семинар в наших традициях. Думаю, это было интересно всем. Информация, полученная на этих конференциях и семинарах, была для меня крайне полезной, поскольку я реализовывал национальную политику на практике. Еще раз я вспомнил добрым словом эти семинары и конференции, когда несколько лет назад выступал в качестве эксперта по вопросу кровной мести и куначества в судебном заседании Верховного Суда Республики Карелия.

Вернемся, однако, к исследованию 1993 г. Было сформировано три группы интервьюеров из студентов ПетрГУ. Мы с Клементьевым поехали в свои «вотчины»: он – в Олонец, я – в Сортавалу, Кожанов отправился в Медвежьегорск. Петрозаводск «опрашивали» вместе. Евгений Иванович рассчитал всю выборку, чем очень облегчил нам с Сашей задачу. Александр обеспечил студентами, я вел финансовую отчетность. Опрос был проведен качественно: мы уложились и в сроки, и в смету. Все были довольны. Я отвез массив М.Н. Губогло и получил от него задание: всем троим написать очерк об этнополитической ситуации в Карелии и готовиться к конференции по итогам проведенного исследования. Евгений Иванович и Александр

Алексеевич ничего этого делать не стали (не помню уже, по каким причинам), в итоге пришлось «отдуваться» мне.

В 1995 г. финансирование мероприятий, проводимых в рамках реализации национальной политики, практически не проводилось из-за дефицита средств. Для получения хоть какой-нибудь финансовой поддержки было принято решение о подготовке республиканской целевой программы «Возрождение и развитие языков и культуры карелов, вепсов и финнов Республики Карелия». Я пригласил Евгения Ивановича поучаствовать в подготовке проекта этой программы. Он охотно согласился. Работалось дружно и согласованно. Мы подготовили проекты Концепции возрождения и развития языков и культуры карелов, вепсов и финнов Республики Карелия и одноименной РЦП. Правда, при утверждении окончательного варианта программы от наших предложений остались «рожки да ножки». Это обстоятельство сильно удручало Евгения Ивановича, впервые столкнувшегося с тем, что даже самые правильные и прогрессивные решения зависят от наличия средств и за отсутствием оных не могут быть приняты.

Карельский язык – особая тема в национальной политике Карелии и главная тема научных исследований Е.И. Клементьева. Пожалуй, никто столько не написал о своем родном языке, как Евгений Иванович. Он «вел» эту тему на протяжении всей своей жизни, он страдал ею, стучался в разные инстанции, особенно в Министерство образования и Миннац Карелии. Его статьи и материалы всегда были аргументом при принятии решений в языковой сфере. Поэтому драматические события языковой эпопеи о придании карельскому языку статуса государственного вовлекли в свою орбиту и Е.И. Клементьева. (Я не буду останавливаться подробно на всей этой теме, надеюсь, напишу об этом отдельную статью, коснусь только участия Евгения Ивановича в этом процессе).

Решение о придании карельскому языку статуса государственного было принято на 1 съезде карелов, прошедшем в 1991 г. в г. Олонце. Евгений Иванович был одним из инициаторов его проведения и делегатом,

следовательно, это и его решение. Однако в течение следующих трех лет никто не рискнул приступить к реализации принятого решения. Депутатам Верховного Совета Карелии 1992–1993 гг. было не до этого. Они участвовали в противостоянии законодательной и исполнительной власти, обострившемся в те годы. После роспуска Верховного Совета и принятия новой Конституции 1993 г. все ждали выборов в новую структуру – двухпалатное Законодательное Собрание Карелии.

Попытка З.И. Строгальщиковой, возглавлявшей в Палате Республики Законодательного Собрания РК комитет по государственному устройству и национальной политике, сформировать рабочую группу по «языковому проекту» на базе Законодательного Собрания с треском провалилась: депутаты реально чуть не подрались (говорю как свидетель и очевидец, участвовавший в этом мероприятии), после чего тема «зависла».

Видя такое дело, Председатель Правительства Карелии В.Н. Степанов поручил Госкомнацу подготовить «языковой» законопроект. Я решил сформировать рабочую группу из своих коллег – сотрудников ИЯЛИ КарНЦ РАН, в состав которой, конечно же, включил Е.И. Клементьева. Помня о негативном опыте З.И. Строгальщиковой, чтобы первое заседание рабочей группы не превратилось в словесное сотрясение воздуха, которое уже изрядно всем надоело, я подготовил расширенный вариант проекта закона «О языках в Республике Карелия», который и предложил для обсуждения в марте 1996 г. При его подготовке я использовал подобные законопроекты, имевшиеся в других республиках, а кое-где уже принятые и ставшие законами. Главная цель моего проекта заключалась в том, чтобы направить работу коллег в конкретное конструктивное русло, максимально сократив их словесные упражнения.

Проект, как и ожидалось, был раскритикован. Когда градус эмоций понизился, я сказал, что они неправильно понимают свою роль. «Вы – не эксперты, вы – авторский коллектив, и все замечания и предложения,

которые здесь были высказаны, необходимо преобразовать в новый законопроект. И это должны сделать именно вы». Повисла пауза, после которой Евгений Иванович выразил желание такой законопроект подготовить. На волне эмоционального подъема сделал он его быстро и представил в Госкомнац. Проект был показан другим членам рабочей группы и дополненный их небольшими замечаниями направлен В.Н. Степанову, который принял решение опубликовать его для общенародного обсуждения. 3 сентября 1996 г. проект с моей пояснительной запиской был опубликован в главной республиканской газете «Карелия» [3: 112–114]. Сделано это было в нарушение действующего законодательства, в соответствии с которым в республиканской прессе могли публиковаться только проекты Конституции Карелии. Случай для Карелии уникальный.

Одобрив пояснительную записку в целом, Евгений Иванович не согласился с некоторыми ее тезисами. Особенно его обидела фраза: «Конечно, рабочая группа прекрасно понимает, что карельский язык в его нынешнем состоянии не может выполнять функции государственного языка в республике». Прочитав ее, он позвонил и с дрожью в голосе спросил: «Виктор, ну как ты можешь писать это, да еще от имени рабочей группы?»

– Ну, ведь это – правда.

– Правда, но не нужно об этом писать, когда идет острая дискуссия о законопроекте.

– Евгений Иванович, я честно и объективно показал ситуацию, тем более она всем известна. Мы, как орган государственной власти, т.е. Госкомнац, не должны замалчивать острые проблемы, иначе доверия к нам не будет.

Обсуждение проекта в прессе было бурным, Госкомнац буквально завалили замечаниями, предложениями, упреками и т.п. Я предложил Евгению Ивановичу продолжить работу над законопроектом, включившись в обсуждение и анализ поступившей информации, которая, надо сказать, существенно корректировала концепцию данного законопроекта. Однако Евгений Иванович от этой работы уклонился. Не принимал он участия ни в

обсуждении существенно доработанного законопроекта, ни на заседании Коллегии Госкомнаца РК 25 декабря 1996 г. [8: 235–240], ни на заседании правительства Карелии 25 февраля 1997 г. [6], ни на заседании Палаты Республики Законодательного Собрания РК 29 января 1998 г. [16: 256–276]. Не знакомился он также (в тот период) с многочисленными отзывами на законопроект как юридических лиц, так и обычных граждан. Т.е. практически выпал из борьбы за «языковой проект», который изобиловал многими драматическими и детективными моментами.

Поэтому, когда Е.И. Клементьев включил в книгу «Этносоциология Карелии» раздел «Будет карельский язык государственным языком? Хроника событий», я возразил и предложил его снять, «поскольку он выходит за рамки заявленной темы и явно выбивается из повествования». Это мягко сказано, т.к. написан он был тенденциозно и фактологически неточно. Евгений Иванович участвовал только на начальном этапе подготовки законопроекта, в его дальнейшей доработке после всенародного обсуждения в прессе участия не принимал. Он считал, что его проект был самый оптимальный и правильный. На мой вопрос, почему же к нему было высказано столько замечаний, поправок и дополнений, он обвинил людей в недопонимании ситуации. Мое возражение, что политика есть компромисс между желаемым и возможным, его не убеждало. На этот раз А.А. Кожанов меня решительно поддержал. Евгений Иванович прислушался к нашему мнению и раздел изъял.

Наша дискуссия с Евгением Ивановичем о состоянии и перспективах карельского языка носила перманентный характер. В 1997 г. он возражал против моего тезиса о том, что слабая общественная функциональная нагрузка, приходящаяся на национальные языки, не способствует их развитию и усвоению в процессе получения образования, что школа предоставляет ограниченные возможности в сохранении и развитии навыков родной речи. В 2002 г. на научно-практической конференции Евгений Иванович согласился с выводами Госкомнаца о том, что школа не в

состоянии обеспечить языковую преемственность поколений [16: 65]. В 2015 г. он согласился, что надежда на то, что школа станет одним из важнейших условий широкого воспроизводства двуязычия в карельской среде как фактор сохранения языковой преемственности поколений, становилась все более призрачной; что она не соответствует ожиданиям национальной интеллигенции [16: 60].

В 2002 г. по заказу Госкомнаца РК Евгений Иванович провел исследование карельской языковой ситуации, сложившейся в начале XXI в. В частности, он посетовал, что только 26% карельских детей изучает свой родной язык, а правительству до этого нет дела. Я возразил: «Вы предлагаете, чтобы чиновники, госслужащие, в том числе я, ходили и агитировали карелов, чтобы они отдавали детей в классы с изучением карельского языка. Мне кажется, это дело общественных карельских организаций. Сейчас карельские активисты 1990-х годов перебрались в Финляндию. Там их дети и внуки».

– Сколько наших с Вами знакомых, коллег, друзей уехало из Карелии?

Евгений Иванович помрачнел и с болью произнес:

– Хорошо, что я не увижу, как умрет этнос.

– Да и я не увижу. Все-таки это процесс длительный. Я же не случайно еще в 1999 г. предложил и обосновал одну из основных целей национальной политики в Карелии – “Сохранение и развитие карелов и вепсов как уникальных этносов мирового сообщества”. Эта цель перешла в Стратегию государственной национальной политики в Республике Карелия и остается в ней до сих пор. Так что не нужно говорить, что правительство ничего не делает».

В этом же исследовании за «огосударствление» карельского языка проголосовало 29%, в то время как за закон, защищающий приоритеты карельского языка в сфере образования и культуры, высказались 47% опрошенных [16: 63]. Общественное мнение изменилось. Это подтвердило правильность намерений Госкомнаца РК подготовить законопроект «О

государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия», который был принят в 2004 г.

До ухода в Госкомнац я был назначен ИЯЛИ одним из редакторов тома «Прибалтийско-финские народы России». Эту работу взял на себя Евгений Иванович, я остался исполнителем разделов по этнодемографии. Благодаря ему эта тяжелая кропотливая работа была выполнена, том издан и занял свое законное место в ряду подобных изданий Института этнологии и антропологии РАН.

Подготовку сборников материалов и документов в рамках серии «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» Карелия начала с заметным опозданием. Одна из причин – все мы, эносоциологи, занимались своими делами. Толчок дал М.Н. Губогло, посетовав Евгению Ивановичу, дескать, почему вы, Карелия, остаетесь в стороне от публикаций документов и материалов по этнополитической ситуации в Карелии. Упрек был абсолютно справедливым и задел Клементьева за живое. Он собрал нас с Кожановым, подключил нашу коллегу З.И. Строгальщикову и за 2005–2018 гг. по проекту «Современная этнополитическая ситуация в Карелии» было издано 6 сборников документов [8]. Основная нагрузка легла на Е.И. Клементьева и А.А. Кожанова, я принял участие в двух сборниках, в которых, по мнению Евгения Ивановича, без моего участия было не обойтись. Главным организатором и идейным вдохновителем этой работы был именно Е.И. Клементьев. Без его мягкой настойчивости и целеустремленности мы, боюсь, ничего бы не сделали. Это целиком и полностью его заслуга, о чем я прямо сказал М.Н. Губогло, с чем он согласился. Сборники документов – ценнейшие источники по изучению этнополитической ситуации в республике в постсоветский период, они регулярно используются исследователями для научной работы и моими студентами при подготовке выпускных квалификационных работ.

Е.И. Клементьев был многолетним участником Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, директором-

основателем которой стал в 1993 г. директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков, ныне академик. Вот как вспоминает об этом сам Евгений Иванович: «Приглашение принять участие в работе Сети стало для меня абсолютно неожиданным. От имени Валерия Александровича позвонила Мара Яновна Устинова, исполнительный секретарь проекта (это было в конце июля 1994 г.), объяснив, что в проект приглашаются специалисты, чья работа связана с национальной проблематикой». В течение нескольких дней ему привезли из Москвы компьютер и подключили его к сети Интернет, что было тогда большой редкостью, поскольку компьютеризация делала только первые шаги [11: 93]. В качестве участника Сети он побывал во многих странах: Кипр (Лимасол), Северная Ирландия (Белфаст, Лондондерри), Шри-Ланка, Хорватия, Испания, Турция, Франция, Алжир, Черногория и др. [11: 188], регулярно публиковал свои материалы в бюллетенях Сети, экземпляры которых постоянно приносил мне в Госкомнац. В 2012 г. он завершил работу в Сети. За 1994–2012 гг. им было опубликовано 140 отчетов, статей, сообщений.

Мое общение с Евгением Ивановичем продолжалось 40 лет и прошло все стадии: ученик-учитель, подчиненный-начальник (руководитель), коллеги. Он всегда оставался для меня старшим товарищем, с которым я советовался, принимая те или иные решения на своем пути. Мы проводили совместные исследования, в которых помогали друг другу: я делал по его просьбе что-то для его исследования (чаще всего опрос каких-либо этнических групп или населения определенных районов), он что-то делал для моих исследований (смотрел анкету, выборку, давал адреса карелов (с этим всегда была проблема, особенно в Петрозаводске) и даже сам некоторых из них опрашивал в качестве интервьюера. Иногда мы смотрели проекты итоговых отчетов друг друга на предмет правомерности тех или иных выводов.

В тандеме с А.А. Кожановым Евгений Иванович работал значительно чаще, чем со мной. Начиная с 1979 г., они провели ряд крупномасштабных

исследований, посвященных социальным проблемам жизни населения Карелии, среди которых особенно значим проект «Финны Карелии» 1994–1995 гг., инициатором которого выступил ПетрГУ, выпустили две книги исследований сельского населения Карелии и многое другое. Их исследования носили как научный, так и практический характер, наши проекты с Евгением Ивановичем чаще носили прикладной характер и касались практических проблем реализации национальной политики. Время от времени мы объединяли усилия для проведения совместных социологических исследований либо реализации научно-исследовательских проектов. Бывало, мы выступали как соредакторы, но ни одной совместной статьи у меня с Евгением Ивановичем или с Александром Алексеевичем не получилось, хотя планы такие были. Единственная наша совместная статья, посвященная проблемам формирования этнической группы белорусов в Карелии и их социально-культурным характеристикам, была опубликована в 1992 г. в Вестнике Белорусской академии наук на белорусском языке [13: 90–98].

В последние годы Евгений Иванович много усилий посвящал систематизации того разнообразного материала (данных статистики, официальных документов, решений и резолюций съездов, вырезки публикаций в СМИ и т.д.), который был накоплен им в течение научной жизни с последующей передачей его в научный архив Карельского научного центра. После смерти жены он жил один. Ввиду преклонного возраста, он ушел из ИЯЛИ и стал полноправным пенсионером, но продолжал работать. «Не могу сидеть без дела, так воспитан», – говорил он мне.

В 2015 г., будучи уже в отставке и работая в Карельском филиале РАНХиГС, я принял участие в совместном карельско-белорусском научно-исследовательском проекте «Белорусы в Карелии». В это же время КРОО Общество белорусов Карелии «Криница» решило провести первый съезд белорусов Карелии, дескать, чем мы хуже карелов, которые к тому времени провели 8 съездов. Помещение для проведения данного мероприятия

предоставил Карельский филиал РАНХиГС. Меня попросили выступить с докладом о состоянии белорусской диаспоры в республике. Грех было не воспользоваться ситуацией, когда со всей республики приехало более сотни делегатов-белорусов, и не опросить их. Я оперативно подготовил анкету для небольшого этносоциологического исследования и «сбросил» ее на электронную почту Евгению Ивановичу с просьбой посмотреть. Он попросил меня прийти к нему. «Работать на компьютере не могу, зрение подводит, читаю только с лупой», – пояснил он.

Как обычно, мы расположились в его кабинете и обсудили вопросник. Я заметил, что книжные полки, прежде ломившиеся от книг, брошюр, журналов и других разных материалов, были практически пусты. «Отдал все в библиотеку Карельского научного центра, – ответил он на мой вопрошающий взгляд. – А что ты хочешь? Мне уже мало осталось. Хочу закончить еще один проект – подготовить библиографический справочник по увековечиванию памяти людей, внесших существенный вклад в изучение, сохранение, развитие и использование культурно-языкового наследия карельского народа. Материал собран, может, успею».

Я сказал, что 80-летие мы обязаны отметить. Кроме того, я хочу летом свозить его на Ладогу, в Сортавалу, на остров, где он наконец-то покажет мне свой мастер-класс по рыбной ловле. Сказал, что отвезу и привезу обратно на своей машине (он уже не водил). Однако летом он пожаловался на плохое самочувствие, и мы никуда не поехали. Осенью у меня был плотный учебный процесс в КФ РАНХиГС, звонил ему несколько раз, но он не брал трубку (как сказали позднее, был в больнице). 25 декабря, накануне дня моего рождения, прямо во время лекции мне позвонили и сообщили грустную весть, что Евгений Иванович умер.

Проститься с Е.И. Клементьевым пришло достаточно много людей, родные, близкие, родственники, сотрудники ИЯЛИ и ПетрГУ. Все, с кем он работал, дружил, общался. Не было только Саши Кожанова, который в это время болел. На поминках, проходивших в небольшом кафе Петрозаводска,

остались самые близкие люди и институтские коллеги. Я, пожалуй, выступал больше всех, так сказать, за себя и за Сашу. Вспомнил много неожиданного, сожалел, что наши планы не реализовались, отметил, что Евгений Иванович самоотверженно служил науке 50 лет, прожил интересную жизнь, занимаясь любимым делом, написал много работ по истории карелов и Карелии, создал группу этносоциологов, по сути, выпестовав нас с Сашей, поставил на крыло и дал путевку в науку. Может, не во всем мы соответствовали его замыслам, разошлись по разным сферам деятельности, но все же мы собирались и реализовывали совместные проекты, проводили этносоциологические исследования, использовали полученные результаты на практике при планировании мероприятий по реализации национальной политики в республике.

Заканчивая небольшой очерк, подумалось, а ведь это счастье – иметь такого доброго, светлого, надежного человека рядом. И я такое счастье имел. За что искренняя и безмерная ему благодарность.

P. S. 29 мая 2021 года, на 72 году ушел из жизни Александр Алексеевич Кожанов. Мне сообщили об этом спустя несколько дней. Я находился в Сортавале и не смог проводить его в последний путь, тем более что в условиях пандемии прощание было ограничено только кругом близких родственников. В мемориальных материалах, размещенных в Интернете, его все называли историком и ни разу не упомянули о том, что он – этносоциолог.

«Историк – это скорее мировоззрение, образ мышления, это уровень образованности, широта кругозора», – говорил Александр Алексеевич в интервью газете «Простые Истины», которая выпускалась в 2008–2010 гг. студентами исторического факультета [1]. «Мне всегда хотелось преподавать», – отвечал он на вопрос, почему в 1988 г. он из ИЯЛИ перешел в ПетрГУ, в стенах которого проработал четверть века. В 1991 г. его избрали заведующим кафедрой дореволюционной истории России. Сложившийся благодаря его усилиям коллектив единомышленников стал основой для

создания в 2004 г. новой кафедры – архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин, которая осуществляла подготовку специалистов по перспективному направлению и которой он бессменно заведовал вплоть до ухода на пенсию.

«Строгий, но справедливый», «защитник студентов», «настоящий историк» – так говорили о нем университетские коллеги. Он был внимателен к их потребностям и запросам, всегда поддерживал талантливых студентов, оказывал помощь молодым, начинающим сотрудникам. Один из студентов в комментариях сравнил его с Каа из «Книги джунглей»: «с “породистым” грустно-ироничным чувством юмора; студент при виде силуэта высокой фигуры в коридоре университета вытягивается по струнке и мысленно кается за все прегрешения» [10]. Студенты ценили в нем чувство юмора.

Широкий кругозор, независимость и неординарность мысли, умение аргументированно и спокойно отстаивать свою позицию, желание слушать и слышать, что говорит собеседник, неизменная внутренняя собранность и подтянутость, ненавязчивая принципиальность, сочетаемая с тонким остроумием и доброжелательным сарказмом [4], – таким он остался в памяти коллег и студентов, таким его помню и я.

Использованная литература

1. *Кожанов А.* Россия – страна невыученных по истории уроков. Интервью Михаилу Мешкову. URL: https://gazeta-licey.ru/public/loss/97209-aleksandr-kozhanov-rossiya-strana-nevyuchennyhurokov (дата обращения: 15.03.2022).

2. *Бирин В.Н.* Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 256 с.

3. *Бирин В.Н.* Пояснительная записка к проекту Закона Республики Карелия «О языках в Республике Карелия // Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов / сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005. С. 112–114.

4. В память об Александре Алексеевиче Кожанове (01.09.1949–29.05.2021). URL: https://petrsu.ru/news/2021/95855/v-pamyat-ob-aleksand#t20c (дата обращения: 15.03.2022).
5. Видеозапись выступления Е.И. Клементьева в Миннац РК 3 октября 2013 года / Архив автора.
6. Выписка из протокола №35 заседания Правительства Республики Карелия // Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов / сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005. С. 254.
7. *Гордиенко А.А.* Куприянов и его время. Петрозаводск: Карелия, 2010. 448 с.
8. Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов / сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005. С. 112–114. Финны: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов / сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов, З.И. Строгальщикова. Петрозаводск: Центр культурных инициатив, 2006. 258 с.; Вепсы: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов / сост. Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов, З.И. Строгальщикова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 337 с.; Карельское национальное движение. Ч. 1. От съезда к съезду. Сборник материалов и документов / сост.: Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 247 с.; Карельское национальное движение. Сборник материалов и документов. Ч. 2. Умеренное крыло. Сборник материалов и документов / сост.: Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 250 с.; Карельское национальное движение. Сборник материалов и документов. Ч. 3. Радикальное крыло (1990–1993) / сост. Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов; отв. ред. З.И. Строгальщикова, С.Э. Яловицына. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2018. 242 с.

9. Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М, 1992. 227 с.

10. Кожанов Александр Алексеевич: Отзывы о преподавателе. URL: https://professorrating.org/professor.php?id=117164#gsc.tab=0 (дата обращения: 15.03.2022).

11. Клементьев Е.И. Этносоциология в Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 208 с.

12. Клементьев Евгений Иванович // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Клементьев,_Евгений_Иванович (дата обращения: 15.03.22).

13. Кляменцеу Е.І., КашанауА.А., Бірын В.Н. Беларусы у Карэліі: фармирование этнічнайгруппы// Весцы Акадэміі Беларусі. Серыя грамадскіх навук. Мінск. 1992. № 1. С. 90–98.

14. *Литвин Ю.В.* Евгений Иванович Клементьев и становление этносоциологии в Карелии //Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2020. Вып. 5. URL: https://
nbsr.petrsu.ru/journal/article.php?id=1644 (дата обращения: 15.03.22).

15. *Сергеев И.И.* Заговор генералов. Петрозаводск: Барс-Афган, 1995. 360 с.

16. Стенограмма заседания Палаты Республики Законодательного Собрания Республики Карелия «О проекте Закона Республики Карелия “О языках в Республике Карелия”» от 29 января 1998 года // Карелы: модели языковой мобилизации: сб. материалов и документов. Петрозаводск: Ин-т яз., лит. и истории КНЦ РАН [и др.], 2005. С. 256–276.